

СРЕДНЯЯ АЗИЯ ВО ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ ПЛАНАХ ЦАРИЗМА

(50—80-е годы XIX в.)

Н. С. Киняпина

XVI век положил начало экономическим связям России со Средней Азией. Петр I пытался придать этим отношениям целенаправленный характер. С развитием капитализма в стране, а также в связи с сокращением с середины 30-х годов XIX в. экспорта железа и чугуна в Европу возрастает значение азиатских рынков. Правительство Николая I через периодические издания, публицистические и научные сочинения стремилось заинтересовать купечество и дворянство в русско-азиатской торговле. Известный экономист Г. Небольсин одним из первых отмечал «важнейшие выгоды», которые приобретет Россия «через азиатскую торговлю, ибо успехи оной необходимы для процветания многих отраслей мануфактурной промышленности»¹. Однако инертность русской буржуазии, отсутствие охраны личности купца и его товара, дискриминация, которой подвергалось русское купечество на среднеазиатских рынках, оторванность Средней Азии от центральных губерний России мешали установлению регулярных торговых отношений.

Во внешней политике России среднеазиатское направление не занимало центрального места подобно ближневосточному. Но во второй половине XIX в. в связи с ослаблением международных позиций царизма и развитием капитализма в России интерес к Средней Азии усиливается. Дипломаты, военные, представители торгово-промышленных кругов в прессе, записках правительству обращают внимание на целесообразность активизации действий России в Средней Азии. «России нужен значительный рынок из-за возрастания нашей производительности», — писал в 1857 г. генерал-майор Бларамберг. Он обращал внимание правительства на соперничество Англии, полагая, что для нее «первейшей задачей» является «ослабить коммерческое влияние России в Азии»². Наместник Кавказа и главнокомандующий Кавказской армией А. И. Барятинский в записке Александру II предлагал проект строительства железной дороги от Каспийского до Аральского моря, осуществление которого расширило бы сбыт русских товаров и укрепило бы политическое влияние России на Востоке, ослабив конкуренцию Англии. Особый комитет, обсуждавший в 1857 г. этот проект, отложил «на время» его реализацию, сочтя проект несвоевременным и опасаясь возможных осложнений с Англией³. Русское правительство, по признанию министра иностранных дел А. М. Горчакова, до 60-х годов «не имело прочной программы в отношении Средней Азии и продолжало

¹ Г. Небольсин. Статистические записки о внешней торговле России. Ч. II. СПб. 1835, стр. 248.

² ЦГАОР СССР, ф. 730, Н. П. Игнатъева, оп. 1, 1857 г., д. 286, лл. 1, 1 об.

³ Там же, лл. 2—4. Подробнее см.: Н. А. Халф и н. Политика России в Средней Азии. М. 1960, стр. 66—67.

руководствоваться более обстоятельствами и случайностями, чем постоянной и твердой системой, на которой оно еще не решалось остановиться»⁴. Только в ноябре 1864 г. царь утвердил программу по среднеазиатскому вопросу, что тем не менее не прекратило споров в правительственных кругах о задачах и средствах среднеазиатской политики России.

Дореволюционная русская историография вопроса сравнительно небогата. Из ранних работ публицистического характера следует назвать книгу Ф. Мартенса, историка международного права. Вышедшая в годы обострения русско-английских противоречий на Среднем Востоке, она была призвана сгладить англо-русский антагонизм. Ф. Мартенс делит все народы, населяющие планету, на «цивилизованные» и «варварские». К последним он относит среднеазиатские и исключает их из категории народов, к которым применимо международное право⁵. Для их «замирения», охраны собственных границ от вторжения кочевников России и Англии, по мнению автора, следует не враждовать, а нести в Среднюю Азию просвещение и цивилизацию. Рассуждения Мартенса о народах «диких», не подготовленных к восприятию законов, существующих в «цивилизованных» странах, были призваны оправдать колониальную экспансию и доказать неспособность среднеазиатских народов самостоятельно распоряжаться своей судьбой. Иной была концепция М. А. Терентьева, военного историка, работы которого (если брать дореволюционных авторов) представляют наибольший интерес⁶. Центральное место в его книгах отводится политике России и Англии в Средней Азии во второй половине XIX в., деятельности там русской администрации и ее взаимоотношениям с местными правителями. В отличие от Мартенса, ратовавшего за сотрудничество России и Англии, М. А. Терентьев противопоставляет «простой бескорыстной» политике России «алчную политику Англии», агрессия которой в этом районе усилилась после завоевания Индии. Автор призывал правящие круги России к активным действиям в Средней Азии «без оглядки на Европу». Терентьев был первым из русских историков, отметившим, что заявление англичан об угрозе Индии «только уловка, с целью возбудить общественное мнение и задержать наше продвижение в Азию»⁷.

В дореволюционной русской историографии не ставился вопрос о классовой направленности политики царского правительства, а также не освещалось внутреннее развитие среднеазиатских государств, что затрудняло выяснение причин сравнительно быстрого присоединения Средней Азии и прогрессивности ее вхождения в состав России.

После победы Великой Октябрьской социалистической революции в связи с утверждением марксистско-ленинской исторической концепции наступает новый этап в изучении среднеазиатской проблемы. Советские историки, прежде всего М. Н. Покровский, показали социальные основы политики самодержавия и ее антинародный характер. Однако работам М. Н. Покровского свойственна односторонность. В них отсутствует критика завоевательной политики Англии, не говорится о прогрессивном значении присоединения народов Средней Азии к России. Со второй половины 50 — начала 60-х годов XX в. ученые сосредоточивают усилия на изучении внутреннего развития среднеазиатских государств, обращают преимущественное внимание на раскрытие экономических связей России со Средней Азией. Особенно плодотворно

⁴ Архив внешней политики России (АВПР), ф. Канцелярия. Отчет министра иностранных дел за 1858 г., лл. 155 (об.) — 156.

⁵ Ф. Мартенс. Россия и Англия в Средней Азии. СПб. 1880, стр. 9, 13, 15—16, 17, 18.

⁶ М. А. Терентьев. История завоевания Средней Азии. Тт. 1—3. СПб. 1906; его же. Россия и Англия в Средней Азии. СПб. 1875; его же. Россия и Англия в борьбе за рынок сбыта. СПб. 1876.

⁷ М. А. Терентьев. Россия и Англия в Средней Азии, стр. 145, 222.

в этой области работает Н. А. Халфин⁸. В 1963 г. появляется книга М. К. Рожковой, посвященная русско-среднеазиатским экономическим отношениям. Исследуя экономический строй среднеазиатских государств и их связи с Россией, автор пришла к выводу, что экономический фактор в среднеазиатской политике России по сравнению с политическим играл хотя и важную, но вспомогательную роль⁹.

В настоящее время дискуссия о причинах продвижения России в Среднюю Азию, начавшаяся в советской историографии в 30-е годы XX в., продолжается. В недавно вышедшей статье Н. А. Халфина, специально посвященной этому вопросу, еще раз утверждается мысль, что главными мотивами среднеазиатской политики России в 60—70-х годах XIX в. были экономические потребности развивающегося русского капитализма¹⁰. Другой взгляд на ту же проблему (кроме книги М. К. Рожковой) изложен в труде Г. А. Хидоятова. Автор полагает, что до 90-х годов XIX в. экономические стимулы не имели самостоятельного значения, а главной причиной действий России в Средней Азии в пореформенное время был фактор политической агрессии Англии на Среднем Востоке¹¹. Суждение Г. А. Хидоятова и вывод М. К. Рожковой в своей основе представляются правильными.

Другой вопрос, который вызывает споры историков,— это характер и методы политики России в Средней Азии. Но дискуссия по этой проблеме свелась преимущественно к терминологическим рассуждениям о правомочности употребления понятия «присоединение» или «завоевание» царизмом Средней Азии. В известной степени такое сужение закономерно, ибо советские историки едины в признании завоевательного характера внешней политики самодержавия, расхождения между ними существуют в подходе к проблеме. Одни сосредоточивают свои усилия на исследовании колониальной, антинародной сущности политики царизма¹², другие — на прогрессивности вхождения среднеазиатских народов в состав России¹³. Что же касается различия в терминах, то оно в значительной степени связано с разным толкованием понятий «завоевание» и «присоединение». Большинство историков склоняется к тому, что понятие «присоединение» шире, чем «завоевание». Оно подразумевает как добровольное вхождение народов в состав другого государства, так и завоевательные действия¹⁴. В Средней Азии имели место факты присоединения к России отдельных территорий как мирными, так и военными средствами. Население Северного Казахстана, прикаспийские туркменские племена, Самарканд, Мерв добровольно присоединились к России. За Геок-Тепе и окружавшие его территории велись ожесточенные бои. Военным путем были присоединены к России Ташкент, Чимкент, Коканд. Экономическая слабость государств Средней Азии, их военно-политическая отсталость, отсутствие прочных связей внутри и между ханствами, междоусобные войны, агрессивные устремления Англии и ее намерение превратить ханства в свои колонии — все это облегчило присоединение Средней Азии к России.

Задача статьи состоит в том, чтобы выяснить причины активных действий России в Средней Азии в 60—80-х годах XIX в., раскрыть раз-

⁸ Н. А. Халфин. Политика России в Средней Азии; его же. Присоединение Средней Азии к России. М. 1965.

⁹ М. К. Рожкова. Экономические связи России со Средней Азией в 40—60 гг. XIX в. М. 1963, стр. 214—215.

¹⁰ Н. А. Халфин. Ведущие мотивы действий России в Средней Азии в 60—70 гг. XIX в. «История СССР», 1972, № 4.

¹¹ Г. А. Хидоятов. Из истории англо-русских отношений в Средней Азии в конце XIX в. (60—70 гг. XIX в.). Ташкент. 1969, стр. 42.

¹² С. Мартиросов. Из истории англо-русского соперничества в Средней Азии. Ашхабад. 1966.

¹³ А. Аминов, А. Бабаходжаев. Экономические и политические последствия присоединения Средней Азии к России. Ташкент. 1966.

¹⁴ Н. А. Халфин. Присоединение Средней Азии к России, стр. 47.

ногласия по среднеазиатскому вопросу в правящих кругах, определить связи среднеазиатского направления политики с ближневосточным и европейским. Статья написана по материалам Архива внешней политики России, ЦГАОР СССР (где находится фонд Н. П. Игнатьева, слабо использованный историками), ЦГИА Узбекской ССР, Рукописного отдела Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина с учетом имеющейся литературы.

В среднеазиатской политике России второй половины XIX в. (до 90-х годов) можно наметить два этапа: с окончания Крымской войны до начала 60-х годов; с 60-х по 80-е годы XIX века. Первый характеризуется политико-стратегической и экономической разведкой, применением мирных средств воздействия на население Средней Азии. Второй — активными действиями России, включавшими и военные методы.

В 1858 г. царское правительство с целью изучения внутреннего состояния на Среднем Востоке направляет туда три экспедиции: научную — в Восточный Иран (Хорасан, Герат, Афганистан), дипломатическую — в Хиву и Бухару, торговую — в Кашгар (Юго-Восточный Туркестан). А. М. Горчаков в секретной инструкции руководителю миссии в Иране востоковеду Н. В. Ханыкову акцентировал внимание на политическом значении миссии: «Сбор сведений о политическом состоянии Персии и Афганистана и распространении русского влияния на этот край»¹⁵. Развивая эту мысль, он писал в депеше посланнику в Тегеране Лаговскому: «Россия не может оставаться безразличной к положению дел в Центральной Азии. Она хочет сохранить status quo или чтобы оно не было нарушено в пользу английского влияния»¹⁶. Исходя из этой центральной задачи, было выбрано и время экспедиций: вскоре после окончания англо-иранской войны (1856—1857 гг.) и в период восстания «сипаев» в Индии, направленного против Англии.

Важную роль в англо-русской борьбе за Средний Восток петербургский кабинет отводил Афганистану, где влияние Великобритании было особенно сильным. Министерство иностранных дел предписывало Н. В. Ханыкову добиться разрешения посетить Кабул и убедить афганского эмира, что «польза Афганистана столько же согласна с нашими (России.— Н. К.) видами, сколь противоположна видам Англии, которая готовит ему участь своих индийских владений». Вместе с тем Горчаков предупреждал Ханыкова, что нужно «действовать с осторожностью», не вмешиваться во внутренние дела Персии и Афганистана, чтобы не вызывать осложнений на Востоке¹⁷. Поэтому Лаговскому предписывалось поддерживать лояльные отношения со своим английским коллегой¹⁸. Экономические и научные цели миссии сводились «к сбору сведений до разных отраслей наук и торговли относящихся»¹⁹. Экспедиция субсидировалась правительством и предпринимателями. В ее подготовке принимало участие Географическое общество.

Члены миссии были встречены в Герате и Иране благожелательно. В Тегеране Ханыков вел переговоры с шахом по торговым и политическим вопросам. Шах, у которого после англо-иранской войны сложились враждебные отношения с Англией и Афганистаном, предлагал заключить русско-персидский союз, направленный против этих двух стран. Но Россия, хотя и была заинтересована в ослаблении позиций Англии на Среднем Востоке, вместе с тем не хотела доводить дело до войны с ней. Поэтому Ханыков, убеждая шаха в дружественном расположении России, советовал соблюдать все подписанные Персией договоры и рас-

¹⁵ АВПР, ф. Канцелярия. Отчет министра иностранных дел за 1857 г., л. 174 (об.).

¹⁶ Там же, ф. Главный архив, I—I, оп. 781, 1858, д. 98, л. 43 (об.). Об экономических и научных целях миссии в секретной инструкции не говорилось.

¹⁷ Там же, 1857, д. 97, л. 204.

¹⁸ Там же, 1858, д. 98, л. 46.

¹⁹ Там же, 1857, д. 97, л. 202.

ширять русско-персидские торговые связи. Неудача постигла Ханыкова в Афганистане: эмир отказался принять в Кабуле посланника России. Он заявил, что появление русского представителя «встревожило бы Англию»²⁰. Отказ эмира свидетельствовал о степени зависимости Афганистана от Англии, которая стремилась тогда превратить Кабул в опорный пункт продвижения в Среднюю Азию. Ознакомившись с положением Хорасана и Герата, миссия Ханыкова в конце 1859 г. возвратилась в столицу. Министерство иностранных дел так оценивало результаты экспедиции: миссия «доставит, наконец, точные сведения о тех отдаленных странах, которые, конечно, должны войти в круг нашей политической деятельности»²¹. Материалы, полученные в Хорасане, помогли правительству в выработке общего курса политики России на Среднем Востоке и характеризовали экономическое состояние края.

Особое значение петербургский кабинет придавал миссии в Среднюю Азию, которой руководил инициативный дипломат, ранее выполнявший ответственные поручения, полковник Н. П. Игнатьев. Он был сторонником активной политики России на Востоке. Игнатьев считал необходимым «завладеть Аму-Дарьей, если не фактически, то политически и коммерчески — учредить плавание наших военных судов по этой реке и в конце концов с этой стороны угрожать Великобритании, чтобы заставить ее дорожить нашею дружбою»²². В формировании состава миссии принимало участие военное министерство. В Среднюю Азию направлялись дипломатические агенты, переводчики, чиновники Оренбургского управления, военные, ученые. Суда морской флотилии должны были из Аральского моря войти в Амударью, исследовать возможности судоходства на этой важной водной магистрали на всем ее протяжении и составить описание реки. Поэтому экспедиция первоначально направлялась в Хивинское ханство, на территории которого начинала свое течение Амударья, а затем в Бухару, хотя последняя в экономическом отношении представляла для России значительно больший интерес, чем Хива.

Знакомство с внутренним положением Средней Азии должно было, по мнению министра иностранных дел, способствовать укреплению там торгового и политического влияния России, «уничтожить вредное вмешательство англичан, которые стараются проникнуть в соседние нам ханства и привлечь их на свою сторону»²³. Итак, главная цель миссии была политическая — помешать проникновению Англии в Среднюю Азию. Одновременно с этим Игнатьев должен был решить и торговые вопросы: добиться согласия ханов на присутствие в Хиве и Бухаре постоянных торговых агентов России для наблюдения за ходом торговли; отмены двойных пошлин на товары с купцов-христиан сравнительно с купцами-мусульманами и установления единого пошлинного сбора (5% от цены товара). Однако решение экономических вопросов зависело от результатов обсуждения политико-стратегических. В том случае, если хивинский хан даст согласие на русское судоходство по Амударье, Игнатьеву разрешалось пойти на уступки в торговых делах.

При единстве задач, стоявших перед миссиями Ханыкова и Игнатьева, заметны некоторые различия в тональности полученных ими инструкций. Если Ханыкову предписывалось «действовать с осторожностью», чтобы не обострить отношения с Англией, то Игнатьеву рекомендовалось «проявить твердость характера и поддержать достоинство русского имени»²⁴. Эти различия не случайны. Ханыкову нужно

²⁰ Там же, ф. Канцелярия. Отчет министра иностранных дел за 1858 г., л. 150.

²¹ Там же, л. 150 (об.).

²² Н. П. Игнатьев. Миссия в Хиву и Бухару в 1858 г. СПб. 1897, стр. 3.

²³ АВПР, ф. Канцелярия. Отчет министра иностранных дел за 1857 г., л. 183.

²⁴ Там же, ф. Главный архив, I—I, д. 98. Инструкция Горчакова Игнатьеву от 12 февраля 1858 г., л. 95.

было завоевать позиции в Персии и Афганистане, где влияние Англии было господствующим, превратить эти государства в форпосты, препятствующие продвижению Великобритании на Средний Восток. Игнатьев же направлялся в Хиву и Бухару — государства экономически слабые, не вошедшие еще в орбиту английской политики и нуждавшиеся в поддержке со стороны России.

План миссии Игнатьева, составленный директором Азиатского департамента Е. П. Ковалевским, был утвержден царем в октябре 1857 года. Сухопутный состав миссии во главе с Игнатьевым выехал из Оренбурга в мае 1858 г., направляясь через Эмбенское укрепление в Хиву. Положение в Средней Азии ко времени прибытия Игнатьева в ханство было тревожным. Голод и эпидемии обессилили государство. Однако хивинский хан не прекращал войн с туркменскими племенами. Бухарский эмир враждовал с Кокандом и Афганистаном. В этих условиях из-за малейшего дипломатического просчета Россия могла оказаться втянутой в войну на Среднем Востоке, что совсем не входило в ее планы. Александр II предписывал Игнатьеву не вмешиваться в междоусобные конфликты ханов, «не желая, с одной стороны, в настоящее время распространения наших азиатских владений вооруженною рукою и будучи убеждены, с другой стороны, что бухарский эмир не может быть нашим надежным союзником, мы не имеем повода к принятию участия в его войне с Кокандом»²⁵. Такая позиция Петербурга не совпадала с точкой зрения оренбургского генерал-губернатора и Игнатьева, которые полагали, что в случае обращения бухарского эмира за помощью к России против Коканда ее следует оказать и занять Туркестан и Ташкент с прилегающими к ним областями²⁶.

Появление русских на территории Хивы и особенно подход морской флотилии к Амударье вызвали беспокойство хана. «Хивинцы подозревают нас во враждебных намерениях и встревожены чрезвычайно появлением парохода близ южного берега Аральского моря»²⁷, — писал Игнатьев Ковалевскому. Хан отказался пропустить русские суда по Амударье далее Кунграда, несмотря на все просьбы и дружеские заверения Игнатьева. Выполняя предписания Петербурга о поддержании спокойствия на Востоке, глава миссии приказал начальнику морской флотилии капитану А. И. Бутакову выполнить просьбу хана и возвратиться в Аральское море. Но и это распоряжение Игнатьева не улучшило русско-хивинских отношений. Члены миссии, находившиеся в Хиве, не имели права выходить на улицу, общаться с местными жителями²⁸. «Вся моя корреспонденция, — писал Игнатьев Ковалевскому, — перехватывается и пересматривается хивинцами»²⁹. Переговоры, которые вел Игнатьев с ханом по торговым вопросам, также оказались безрезультатными.

Благожелательный прием встретила миссия в Бухаре. Эмир согласился освободить русских пленных, которые там находились, предоставил склады и караван-сарай русским торговцам, уменьшил таможенные пошлины с русских товаров. Он охотно вступил в переговоры с Игнатьевым о политической ориентации Бухары, о влиянии там Англии. Игнатьев обратил внимание эмира и его наследника на «происки англичан в Азии», их попытки переправить оружие в Коканд, подчинить экономику и политику государств Средней Азии интересам Великобрита-

²⁵ ЦГАОР СССР, ф. 730, оп. 1, 1858, д. 289, л. 79 (об.).

²⁶ Там же, л. 7.

²⁷ Там же, л. 50.

²⁸ Н. Г. Залесов. Посольство в Хиву и Бухару. «Русский вестник», 1871, № 3, стр. 66.

²⁹ ЦГАОР СССР, ф. 730, оп. 1, д. 289, л. 55.

нии³⁰. Опасаясь создания кокандо-хивинского блока, направленного против Бухары, эмир внимательно прислушивался к предложениям Игнатьева по расширению русско-бухарских торговых и политических связей. При завершении переговоров глава русской миссии высказал пожелание о направлении с ответным визитом в Петербург бухарского посла, что с готовностью было встречено эмиром.

В декабре 1858 г. посольство Н. П. Игнатьева возвратилось в Оренбург. Результаты миссии позволили царскому правительству составить ясное представление о внутренней жизни Средней Азии, узнать «настоящую цену дипломатических сношений» с хивинским ханом и Бухарой. Семимесячное пребывание в Средней Азии дало возможность уяснить расстановку политических сил, пути проникновения Англии в ханство, ознакомиться с экономикой края и характером управления. Поездка убедила Игнатьева в необходимости перехода от дипломатических методов к военным. Он полагал, что направление миссий в ханства — «это напрасная трата денег, которые могут быть употреблены для достижения той же цели в этой же части Азии только иным образом»³¹. Этот взгляд Н. П. Игнатьева, встречавший поддержку в 50-х годах XIX в. лишь у части государственных чиновников, стал к середине 60-х годов XIX в. официальным.

Одновременно с посольствами Ханыкова и Игнатьева в 1858 г. правительство направило в Кашгар еще одну миссию — поручика русской службы, казаха по национальности, Ч. Валиханова. Человек широких взглядов, просветитель, Ч. Валиханов был сторонником единения среднеазиатских народов с Россией. Он направлялся в Кашгар под видом купца с товарами. Цель его поездки сводилась «к изучению наиболее удобных путей общения с Кашгаром, а также сбору на месте сведений о стране»³². Валиханову следовало ознакомиться с внутренним положением края, выяснить прочность позиций там Англии, но не вмешиваться в борьбу за власть в Кашгарии, которая велась между маньчжурской династией и «кокандскими претендентами». Знакомство с краем убедило Ч. Валиханова в том, что имеется возможность установить непосредственные русско-кашгарские торговые связи. «Торговля находится в руках кокандцев, — писал он, — но России легко завладеть ею, учредив прямые сношения с Восточным Туркестаном»³³. Товары, привезенные Валихановым, нашли большой спрос на рынках Кашгара³⁴. Общение с местным населением, учеными края позволило ему приобрести уникальные восточные рукописи, коллекции горных пород, гербарии, коллекции монет. Летом 1859 г. Ч. Валиханов возвратился в Семипалатинск. Отчет об итогах экспедиции, составленный им, был первым научным сочинением, посвященным истории, географии, социальному строю народов Восточного Туркестана. «Это описание, — заметил генерал-губернатор Западной Сибири Гасфорд, — знакомит довольно отчетливо с военным, политическим и торговым состоянием малоизвестной страны и выказывает слабые и ошибочные знания оной теми немногими географами, сведениями которых мы доселе руководствовались»³⁵.

В результате трех миссий в Азию были получены важные сведения о внутреннем состоянии государств Среднего Востока и Кашгара, о роли там Англии. Эти данные не могли не учитываться петербургским кабинетом при выработке конкретных решений. В 1859—1860 гг. состоялось несколько правительственных совещаний по среднеазиатскому во-

³⁰ Там же, д. 302, лл. 33—34; Н. П. Игнатьев. Указ. соч., стр. 211—212.

³¹ Н. Г. Залесов. Указ. соч., стр. 72.

³² АВПР, ф. Канцелярия. Отчет министра иностранных дел за 1858 г., лл. 217 (об.) — 218.

³³ Там же. Отчет министра иностранных дел за 1859 г., л. 219 об.

³⁴ Ч. Валиханов. Собрание сочинений. Т. II. Алма-Ата. 1961, стр. 261.

³⁵ Ч. Валиханов. Собрание сочинений. Т. I. Алма-Ата. 1961, стр. 71.

просу, вновь выявивших различия точек зрения на эту проблему. Наиболее обстоятельно позиция сторонников наступательной тактики в Средней Азии была изложена Н. П. Игнатьевым в докладе А. М. Горчакову при вступлении на пост директора Азиатского департамента министерства иностранных дел в 1861 году. Он мотивировал необходимость «твердой политики» неизбежностью борьбы с Англией³⁶. Игнатьев полагал, что лондонский кабинет поддерживает дружественные отношения только с теми государствами, которых он боится. «Для сохранения хороших отношений с Англией,— писал Игнатьев,— нужно ей доказать, хотя бы однажды, что мы можем выйти из пассивного положения и причинить ей, в случае разрыва, чувствительный ущерб». Пути для этого он видел в политической и торговой конкуренции и проведении наступательной политики. Игнатьев считал, что угрожать сухопутным владениям Англии Россия может только в Азии. Хотя у России нет притязаний на Индию, писал он, в Англии надо поддерживать страх за ее владения, ибо это вызывает у нее материальные затраты, в то время как Россия «не издерживает ни одной копейки на военные приготовления, не пускает ни одного русского солдата в дело»³⁷.

Советские ученые убедительно доказали несостоятельность утверждений английской историографии о русской угрозе Индии, о «защите» Англией стран Востока от агрессии России³⁸. Народы, испытавшие на себе эту «защиту», хорошо знали ее цену. Одна из турецких газет писала по этому поводу: «В прошлом Англия не удовлетворила никого, кто был под ее владычеством... Турки знают, что Англия не может удовлетворить население Ирландии — там революции почти перманентны. А что представляет ее политика в Афганистане?»³⁹. На большом фактическом материале, включая документы из государственного архива Великобритании, советские историки показали, как она под предлогом «обороны» Индии захватывала все новые территории, навязывала азиатским странам кабальные договоры, создавала опорные базы в Турции, Персии, Афганистане, то есть в непосредственной близости от русских границ. Продвижение России в Среднюю Азию правящие круги Англии использовали в своих спекулятивных целях как доказательство существования русской «угрозы» Индии. От этой версии они не отказались и в XX веке. Вторжение английского экспедиционного отряда в Закаспийскую область Советской России в августе 1918 г. английское правительство, как известно, также объясняло «защитой» британских интересов и «обороной» Индии⁴⁰.

Доклад Н. П. Игнатьева А. М. Горчакову, о котором говорилось выше, предназначенный исключительно для внутреннего служебного пользования, является еще одним свидетельством отсутствия у России каких-либо реальных планов в отношении Индии. «Угрозу» Индии, по мнению Игнатьева, следовало использовать лишь как тактический маневр, посредством которого можно было бы побудить Англию пойти на уступки в европейской и восточной политике. Но петербургский кабинет не согласился даже на этот шаг. Министерство иностранных дел, возглав-

³⁶ ЦГАОР СССР, ф. 730, оп. 1, д. 507, лл. 7—8. Доклад Н. Игнатьева ошибочно датирован 5 июля 1863 года.

³⁷ Там же, л. 3 (обл.).

³⁸ См. Е. Л. Штейнберг. Английская версия о «русской угрозе» Индии в XIX—XX вв. «Исторические записки». Т. 33. 1950; его же. История британской агрессии на Среднем Востоке. М. 1951; Н. А. Халфин. Английская колониальная политика на Среднем Востоке. Ташкент. 1957; его же. Политика России в Средней Азии; Г. А. Хидоятов. Указ. соч.

³⁹ АВПр, ф. Канцелярия, 1879, д. 38, л. 355. Лобанов — Гирсу 1 (13) ноября. Выдержки из турецкой газеты содержатся в донесении русского посла в Константинополе Лобанова статс-секретарю по иностранным делам Гирсу.

⁴⁰ Г. А. Хидоятов. Указ. соч., стр. 3.

ляемое Горчаковым, возражало против «политики силы», по-прежнему полагая, что это неизбежно приведет к войне с Англией⁴¹.

Точку зрения Игнатьева на характер среднеазиатской политики в целом разделяли военные круги, а также русская администрация в Средней Азии и Сибири. Их в известной степени поддерживали купечество (преимущественно московское) и предприниматели, заинтересованные в освоении новых рынков. Д. А. Милютин, противник дипломатической тактики Горчакова, отмечал: «Наше Министерство иностранных дел с давних времен держалось в азиатской политике системы пассивного консерватизма. Заботясь более всего о поддержании дружбы с Англией, оно противилось всякому успеху в Средней Азии, дабы не возбуждать дипломатических запросов Лондонского кабинета, ревностно следившего за каждым нашим шагом в степях»⁴². Министерство финансов преимущественно по материальным, а не политическим соображениям поддерживало линию министерства иностранных дел.

В 50-х годах XIX в. петербургский кабинет не имел единого плана в среднеазиатском вопросе. Положение меняется в 60-е годы, когда правительство переходит к активным действиям в Средней Азии. Выработку программы в среднеазиатском вопросе ускорили события в Европе. Начавшееся в январе 1863 г. польское восстание осложнило международную обстановку. Вмешательство западноевропейских держав в польский вопрос, вызванное не истинным желанием помочь Польше, а стремлением скомпрометировать царизм и поднять собственный престиж, обострило русско-английские отношения. В то время когда министерство иностранных дел отвечало на ноты правительств Западной Европы, военное министерство при поддержке русской администрации в Оренбурге составляло планы военных операций в Средней Азии. Именно в это время, в июле 1863 г., Игнатьев писал: «Нужно, чтобы наша восточная и западная политика согласовывалась между собой... и шла к одной и той же цели»⁴³. Д. А. Милютин, хотя и считавший «страхи Англии за ее Ост-Индские владения совершенно фиктивными», все же полагал целесообразным отвлечь внимание Англии от Польши путем «демонстрации в Средней Азии». Он поддерживал предложение нового оренбургского генерал-губернатора А. П. Безака (сменившего в 1861 г. А. А. Катенина) о наступлении русских войск на азиатской границе⁴⁴. В феврале 1863 г. состоялось заседание Особого комитета с участием министров, а также оренбургского и западносибирского генерал-губернаторов, на котором была достигнута договоренность о целесообразности соединения Сибирской и Оренбургской линий. В марте 1863 г. Александр II утвердил это решение комитета, предписав чиновникам военного министерства и администрации Оренбургского края детально изучить местность между укреплениями Сырдарьи и Сибирской линией. В 1864 г. предполагалось соединить эти линии.

Конечно, решения царского правительства нельзя выводить непосредственно из событий в Европе. Эти планы давно вынашивались начальством в Оренбурге и военными кругами в Петербурге. Но также справедливо и то, что до обострения русско-английских отношений в Европе Александр II отвергал подобные предложения. Теперь, соглашаясь на активную политику в Средней Азии, министерство иностранных дел предписывало оренбургскому и западносибирскому генерал-губернаторам действовать с «крайней осторожностью, избегать излишней огласки, могущей возбудить в Европе толки, неблагоприятные для общей

⁴¹ АВПР, ф. Канцелярия. Отчет министра иностранных дел за 1856 г., л. 279 об.

⁴² РО ГБЛ, ф. 169, к. 10, л. 17, л. 24.

⁴³ ЦГАОР СССР, ф. 730, оп. 1, л. 507, л. 15 (об.).

⁴⁴ РО ГБЛ, ф. 169, к. 10, д. 8, лл. 334—334 (об.).

политики нашей»⁴⁵. Меняя тактическую линию в среднеазиатском вопросе, русское правительство по-прежнему стремилось избежать войны с Англией.

В октябре 1864 г. А. М. Горчаков представил Александру II доклад, в котором была изложена общая политическая программа правительства в отношении Средней Азии. На основании этого доклада был разработан конкретный план действий, утвержденный царем в ноябре того же года. Его основы заключались в следующем: «Дальнейшее расширение наших владений в Средней Азии не согласно с интересами России и ведет только к раздроблению и ослаблению ее сил. Нам необходимо установить на вновь приобретенном пространстве земли прочную, неподвижную границу и придать оной значение настоящего государственного рубежа»⁴⁶. Этот документ был направлен в русские посольства и миссии за границей для передачи главам государств. Данной информацией царизм рассчитывал успокоить правительство Запада, прежде всего Англию, относительно действий России в Средней Азии. Учитывая реакцию Европы, а также задачи внутренних преобразований в государстве, Горчаков призывал русскую администрацию «к благоразумной умеренности».

Правительственная программа в среднеазиатском вопросе, разработанная в 60-х годах XIX в., сводилась к укреплению позиций России на занятых рубежах, отказу от новых территориальных приобретений, сохранению лояльных отношений с местным населением и Англией. В дальнейшем военные круги и местные власти в Средней Азии с молчаливого согласия петербургского кабинета неоднократно отступали от этой программы.

Борьба с английской агрессией на Среднем Востоке, стремление России активными действиями в Средней Азии ослабить нажим Англии на Балканах и в проливах не исключают наличия завоевательных планов у царизма. Продвигаясь в Среднюю Азию и захватывая новые территории, самодержавие решало общегосударственную задачу — укрепить военно-политическую мощь Российской империи. Естественно, при этом учитывались прежде всего интересы дворянства и буржуазии. В пореформенные годы оба господствующих класса были заинтересованы в развитии капитализма. Поэтому русская администрация в Средней Азии, закрепившись на новых землях, стремилась к нормализации мирной жизни, к развитию ремесел, оживлению торговых связей среднеазиатских государств с Россией.

С конца 50-х и в 60-е годы XIX в. по сравнению с началом этого века несколько оживились экономические сношения России с ханствами. «Московские дома с успехом вели свои дела и с некоторого времени стали отправлять русские товары в Бухару, где они весьма выгодно сбывались»⁴⁷. Тем не менее удельный вес среднеазиатской торговли был незначителен, а баланс для России оставался пассивным. Так, в 1857 г. из Бухары в Россию было привезено товаров на сумму 927 737 руб., из Хивы — на 175 289 рублей. За тот же год Россия вывезла в Бухару товаров на 661 580 руб., в Хиву — на 23 053 рубля⁴⁸. В отчетах министерства иностранных дел и других правительственных документах обращалось внимание на утечку золота из России и необходимость приостановить этот процесс.

Петербургский кабинет разделял усилия русской администрации в Средней Азии, направленные на расширение русско-азиатских экономических связей. Но это не исключало разногласий с местными властями

⁴⁵ АВПР, ф. Канцелярия. Отчет министра иностранных дел за 1863 г., л. 185.

⁴⁶ Там же. Отчет министра иностранных дел за 1864 г., лл. 218 (об.) — 219.

⁴⁷ Там же. Отчет министра иностранных дел за 1860 г., л. 281.

⁴⁸ ЦГАОР СССР, ф. 730, оп. 1, д. 292, лл. 4—5.

по поводу методов русской политики в Средней Азии. Военные круги, сторонники наступательной тактики, стояли за включение среднеазиатских земель в состав России. Планы же правительства были иными. В предписании туркестанскому генерал-губернатору К. П. Кауфману от 18 июня 1868 г. (в связи с решением вопроса о Бухарском ханстве и статуте Самарканда) петербургский кабинет сообщал, что «виды нашего правительства в этой части Азии не должны измениться на будущее время. Занятие Бухарского ханства со включением его навсегда в пределы России не входит в цели правительства. Такое расширение наших владений привело бы немедленно к необходимости усилить число наших войск в этой части края и увеличению издержек военных и административных, и не доставив притом особенно важных выгод, могло бы весьма усложнить общее наше положение». Горчаков и Милютин, от имени которых составлялась эта инструкция, предлагали «очистить временно занятый край» (Бухарское ханство), установив там порядки, которые позволили бы России «иметь спокойного и дружественного соседа»⁴⁹.

Однако созданный в 1870 г. после присоединения Самарканда (входившего в состав Бухарского ханства) военный совет в Ташкенте — столице Туркестанского генерал-губернаторства — единодушно высказался за необходимость движения на Бухару. Члены совета говорили о политическом значении русского наступления, связывая успехи России в Средней Азии с решением восточного вопроса и характером русско-английских отношений. «С занятием Бухары Россия приобрела бы больше веса в решении восточного вопроса», а Англия «умерила бы свою гордыню»⁵⁰. Доводы правительства в пользу отказа от наступательной тактики сводились к опасению «распылить силы» и отвлечь внимание от решения центральной проблемы — ближневосточной, а также к боязни вызвать войну с Англией. Последующие события (неурожай в Бухарском ханстве в 1870 г., падеж скота, голод) еще более усложнили обстановку в Средней Азии и временно сняли вопрос о Бухаре.

Правительственные круги и русское командование преследовали единые цели в Средней Азии: ослабить влияние Англии на Востоке, приобрести новые территории, важные в экономическом и военно-стратегическом отношении. Споры велись лишь о методах и формах продвижения России в Среднюю Азию. Слабое знакомство Петербурга с местной обстановкой, отсутствие твердой позиции правительства по среднеазиатскому вопросу, личное влияние Кауфмана на Александра II нередко приводили к торжеству тактической линии русской администрации.

В начале 70-х годов XIX в. в связи с продвижением России к Хиве вновь обострились русско-английские отношения. В это время петербургский кабинет был занят переговорами с Германией и Австро-Венгрией о заключении союза трех императоров. Одна из тайных задач, стоявших перед русским правительством при подписании этого соглашения, заключалась в изоляции Англии в случае ее столкновения с Россией в Средней Азии. Для успешного завершения переговоров с Германией и Австро-Венгрией важно было избежать новых конфликтных ситуаций в Средней Азии. Не случайно именно в 1872—1873 гг. правительство проводит особые совещания в Петербурге по среднеазиатскому вопросу.

В декабре 1872 г. с докладом о «положении политических дел» в Средней Азии и о политике России в данном районе на одном из этих совещаний выступил Кауфман. Большое внимание он уделит значению для России заключенных в 1868 г. с среднеазиатскими ханами торговых договоров, в силу которых русским купцам были предоставлены

⁴⁹ ЦГИА УзССР, ф. 1, Туркестанского генерал-губернатора, оп. 34, д. 8, лл. 263—265.

⁵⁰ Там же, лл. 220—222.

те же права, которыми пользовались среднеазиатские купцы в пределах Российской империи. Говоря о политических вопросах, он остановился на стабилизации положения в Коканде и улучшении русско-бухарских отношений. Одна из причин такого состояния, по мнению Кауфмана, заключалась в сохранении за Россией Зеравшанского округа с Самаркандом, что ослабляло власть бухарского эмира и усиливало его зависимость от России. Кауфман ставил перед правительством вопрос об окончательном присоединении к России Зеравшанского округа. Вместе с тем генерал-губернатор полагал целесообразным сохранить за Бухарой внутреннюю независимость, позволяющую России владеть ею «нравственно», «иметь там вполне преданного нам, но самостоятельного по отношению к прочим соседям владетеля, чем самим управлять этой страной и быть вынужденным содержать там значительное войско для ограждения наших интересов и нашего там управления»⁵¹.

Особое место в докладе заняли вопросы, связанные с отношениями России с Афганистаном и Англией. Во избежание осложнений с Афганистаном, чьи претензии по расширению территории поддерживала Англия, Кауфман предлагал «оказывать предупредительное широкое гостеприимство Абурахман-хану»⁵², правителю Афганистана. Иными, по мнению генерал-губернатора, должны быть отношения с Хивинским ханством. Он считал, что выжидательная политика России «оказалась неприемлемой для этой страны. Хива не признает власти России», «влияет самым невыгодным образом на развитие нашей среднеазиатской торговли, мешает успеху благосостояния всех наших среднеазиатских владений... Неприязненное отношение к нам Хивы усложняет вообще все наше положение в Средней Азии и мешает делу устройства наших степных областей»⁵³. Кауфман предлагал нанести решительный удар Хиве, но не присоединять ханство к России.

Конкретный план действий, изложенный генерал-губернатором Туркестана в отношении Бухары, был в основном одобрен правительством. В принятых решениях говорилось о включении Зеравшанского края в состав России. Для окончательного примирения с Бухарой Кауфману поручалось выработать правила торговли и условия для урегулирования споров между подданными России и Бухары. Программа, принятая на совещании 1872 г., свидетельствовала о компромиссе между правительственным курсом, направленным на политическое и торговое освоение Средней Азии, и наступательной тактикой русской администрации. В программе учитывались также экономические интересы торгово-промышленных кругов России. Однако первоочередное значение придавалось вопросам политическим. Это, в частности, доказывается содержанием и названием доклада Кауфмана (Кауфман излагал «настоящее положение политических дел» во вверенном ему крае)⁵⁴. При этом в решении политических вопросов учитывались задачи европейской и ближневосточной политики: отношения с Хивой ставились в зависимость от итогов переговоров о создании союза трех императоров и переговоров П. Шувалова с Гренвилем в Лондоне по афганскому вопросу⁵⁵. Лишь после того, как была достигнута договоренность с Германией и Англией, петербургский кабинет разрешил начать военные действия против Хивы.

Наступление на Хивинское ханство, начатое в феврале 1873 г., вызвало активное противодействие Англии. Под ее влиянием Бомбей, Каш-

⁵¹ АВПР, ф. Главный архив, 1—9, 1872—1873, оп. 8, д. 12, л. 12.

⁵² Там же, лл. 16—17.

⁵³ Там же, л. 19.

⁵⁴ Там же, л. 4.

⁵⁵ Подробнее об англо-русских переговорах 1872—1873 гг. см.: Г. А. Хидояттов. Указ. соч., стр. 86—87.

гар, Калькутта направили своих агентов в Константинополь для организации совместных выступлений против России. Кроме того, англо-индийское правительство посылало офицеров и эмиссаров в Афганистан и пыталось привлечь к борьбе с Россией Австро-Венгрию⁵⁶. Но усилия Англии были напрасны. Добиться единства Турции, Афганистана, Персии, Австро-Венгрии не удалось, а воевать собственными силами Великобритания не привыкла. В мае 1873 г. русские войска вошли в Хиву. В августе 1873 г. Кауфманом и хивинским ханом был подписан мирный договор, по которому хан признавал свою вассальную зависимость от России, отказывался от прямых внешнеполитических сношений с другими государствами. В ханстве ликвидировалось рабство и работорговля, освобождались невольники, которых только в Хиве насчитывалось до 40 тыс. человек.

В планы царского правительства не входила полная ликвидация независимости среднеазиатских ханств. С государственной точки зрения выгоднее было сохранить за ними внутреннюю самостоятельность при фактическом подчинении их России. Такая форма отношений решала ряд задач: во-первых, политические (сохранение внутренней автономии смягчало англо-русский антагонизм и помогало установлению лояльных отношений с государствами Среднего Востока), во-вторых, она была удобна и по финансовым соображениям (сокращала расходы на хозяйственные нужды края и содержание администрации), в-третьих, имел значение моральный фактор (сохранение власти ханов как бы служило доказательством уважения к местным порядкам, а произвол правителей подчеркивал преимущества русского управления перед ханским).

Народные восстания в Кокандском ханстве 1875—1876 гг., использованные Англией и мусульманским духовенством для разжигания настроений «священной» войны против России, послужили для царизма основанием для того, чтобы отойти в данном случае от принятой тактики. В 1876 г. Кокандское ханство было присоединено к России (это решение было принято под давлением русского командования в Средней Азии). Внутренняя самостоятельность Хивы и Бухары сохранялась.

Новое обострение русско-английских противоречий на Ближнем Востоке, вызванное кризисом 70-х годов XIX в. и русско-турецкой войной, сказалось на обстановке в Средней Азии. Активно помогая Турции, Англия руководила подрывной деятельностью против России на Среднем Востоке. По ее указанию в 1877 г. султан направил своего представителя в Бухару с предложением действовать совместно против «белого царя». Английские дипломаты через турок пытались создать свою агентурную сеть на всей территории Средней Азии⁵⁷. В ответ на враждебные демарши Англии Россия предприняла контрмеры. В июле 1877 г. правительство дало предписание Кауфману увеличить численный состав войск Туркестанского военного округа, заготовить дополнительный запас обмундирования и вооружения. Появление британского флота в Мраморном море вблизи Константинополя в феврале 1878 г. и реальная угроза войны с Англией на Ближнем Востоке побудили русское правительство перейти к более решительным мерам в Средней Азии.

На особом совещании в Петербурге под председательством Александра II в апреле 1878 г. обсуждался вопрос о тактике России в Средней Азии. После длительной дискуссии было решено приступить к укреплению обороноспособности среднеазиатских владений. Эти военные приготовления следовало проводить так, чтобы не вызвать опасений у Персии и особенно у Афганистана. Весной 1878 г. из Ташкента в Кабул

⁵⁶ ЦГАОР СССР, ф. 730, оп. 1, д. 859, 1873. Записка П. Анино, русского агента на Среднем Востоке, Игнатьеву от 25 мая, лл. 6—7.

⁵⁷ Г. А. Хидоятов. Указ. соч., стр. 186—187.

с дипломатической миссией был направлен генерал-майор Н. Г. Столетов, герой русско-турецкой войны. Задача, стоявшая перед ним в отношении Афганистана, во многом напоминала цели миссии Н. В. Ханькова. Столетову предлагалось расположить афганского эмира в пользу России, предупредив его о военных приготовлениях русских в туркменских степях. В случае благожелательной позиции эмира Столетов должен был склонить его к союзу, направленному против Англии. Помимо этой конкретной задачи, связанной с делами в Средней Азии, миссия Столетова имела и другое назначение: демонстрацией военных и дипломатических приготовлений России в Средней Азии оказать давление на позицию Англии в восточном вопросе. Не случайно Столетов отправился из Ташкента в Кабул в мае 1878 г. во время подготовки заседаний Берлинского конгресса и переговоров Шувалова с Солсбери в Лондоне.

Дружественный прием, оказанный Столетову в Кабуле, был использован Англией как повод для того, чтобы начать войну против Афганистана. Захватив территорию страны и намереваясь выйти к долине Амударьи, англичане пытались привлечь в качестве союзников Персию и туркменские племена. Эти планы Англии представляли непосредственную опасность для владений России. В итоге многочисленных заседаний, проходивших в Петербурге в январе — феврале 1880 г. по поводу «закаспийской политики», было решено предпринять серьезные меры в Азии ввиду агрессивной политики англичан⁵⁸. В марте 1880 г. Александр II утвердил доклад Д. А. Милютина о необходимости занять Геок-Тепе. Главным аргументом в пользу этого являлась политика Англии, которая с каждым годом все более активизировалась. Командующим войсками Закаспийского военного отдела был назначен генерал М. Д. Скобелев, принадлежавший к последовательным сторонникам наступательной тактики в Средней Азии.

Движение русских отрядов по направлению к Геок-Тепе встречало сильное сопротивление местного населения, подогреваемого антирусской пропагандой Англии. В январе 1881 г. после упорных и кровопролитных боев русские войска овладели крепостью Геок-Тепе. Стремясь заручиться поддержкой местного населения, царское командование объявило амнистию всем, кто воевал против него. Вскоре русские войска овладели Ашхабадом; Ахал-Текинский оазис был включен в состав России. Русская администрация и генералитет, находившиеся в Средней Азии, настаивали на продолжении наступления. Но петербургский кабинет приказал приостановить продвижение русских войск: в Тегеране начинались переговоры о разграничении в Туркмении владений России и Персии. В качестве «примирителя» предлагал свои услуги английский посол в Тегеране Томсон. Но Россия отвергла домогательства Англии. Переговоры велись в глубокой тайне и закончились 9 декабря 1881 г. подписанием русско-персидской конвенции о разграничении, по которой Персия обязывалась не вмешиваться в дела туркмен, населяющих Мерв и Теджен. Соглашение 1881 г. о границах между Россией и Персией помешало Англии использовать Персию в качестве противника России. Оно фактически было неоформленным русско-персидским военным союзом⁵⁹.

Потерпев поражение в Геок-Тепе, Лондон усилил борьбу за Мерв. В английской прессе подчеркивалась роль Мерва для «защиты Индии». В этих условиях царское правительство должно было действовать с большой осторожностью, чтобы не позволить Англии вмешаться в туркменские дела⁶⁰. «Наши интересы настоятельно требуют сохранения

⁵⁸ «Дневник Д. А. Милютина». Т. III. М. 1951, стр. 224—226.

⁵⁹ Подробнее см.: Г. А. Хидятов. Указ, соч., стр. 419.

⁶⁰ Н. А. Халфин. Присоединение Средней Азии к России, стр. 355.

спокойствия в Мерве и поддержания там партии мира. Партия войны, поддерживаемая внешними интересами, рассчитывает получить для борьбы с нами усовершенствованное оружие. ...а потому вся цель наших будущих сношений с Мервом,— отмечалось в официальном документе российского министерства иностранных дел,—должна состоять в недопущении провоза туда скорострельного оружия и в предупреждении происков тайных агентов Англии»⁶¹. Среди населения Мерва не было единодушия в отношении политической ориентации. Одна его часть (ремесленники, крестьяне, купечество), заинтересованная в прекращении разорительных набегов, стремилась к сближению с Россией. Другая (прежде всего родо-племенная верхушка и мусульманское духовенство) была против соглашения с Россией. Отсутствие в Мерве прочной власти позволяло Англии проводить там подрывную деятельность, направленную против России. Однако попытки Лондона склонить жителей Мерва на свою сторону не удались. 1 января 1884 г. на собрании народных представителей было принято решение о добровольном присоединении Мерва к России. 31 января 1884 г. делегация Мерва в Ашхабаде дала присягу в верности России⁶². Присоединением туркменских племен к России завершился важный период, связанный с утверждением ее влияния и господства в Средней Азии. Этот процесс был осложнен антирусскими действиями Англии и ее агрессией на Среднем Востоке.

Таким образом, среднеазиатское направление не являлось в рассматриваемое время стержнем внешней политики самодержавия. Но оно находилось в тесной связи с ближневосточным и во многом определялось им. Эта связь подчеркивается в работах основоположников научного коммунизма. «Санкт-петербургские дипломаты,— писал Ф. Энгельс,—отдавали себе отчет, насколько важно парализовать возможное сопротивление Англии окончательному утверждению России на Босфоре. После Крымской войны, а в особенности после индийского восстания 1857 г., завоевание Туркестана, начатое еще в 1840 г., стало неотложной задачей»⁶³. Победрами в Средней Азии царское правительство рассчитывало ослабить наступление Англии на Ближнем Востоке и смягчить там остроту англо-русских противоречий.

Признание зависимости и подчиненности среднеазиатского направления внешней политики России ближневосточному не исключает самостоятельной роли Средней Азии в планах царизма. Новыми завоеваниями государственная власть пыталась упрочить мощь России. При этом она решала конкретные задачи политического и экономического характера. Главными из них для периода 50—80-х годов XIX в. были политические, связанные с англо-русским соперничеством. Англия после завоевания Индии усилила свои позиции в Персии и Афганистане, стремясь превратить их в опорные базы наступления на ханства Средней Азии и владения России. Она засылала агентов и эмиссаров на Средний Восток с целью разведки и агитации против России. Лондонский кабинет пытался создать блок мусульманских государств, направленный против России. Пользуясь экономическим превосходством, английская буржуазия наводняла рынки Средней Азии своими товарами, что вело не только к вытеснению русских изделий, но и к ликвидации местных ремесел. Антирусскую политику на Среднем Востоке английское правительство объясняло вымышленной «угрозой» Индии со стороны России, под прикрытием этого лозунга Великобритания осуществляла свою агрессивную политику на Среднем Востоке.

⁶¹ «Присоединение Туркмении к России». Сборник документов. Ашхабад. 1960, стр. 547.

⁶² Подробнее см.: М. Н. Тихомиров. Присоединение Мерва к России. М. 1960.

⁶³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 23, стр. 45 (примеч.).

Секретные инструкции, материалы особых совещаний, разнообразные документы министерств и ведомств России подтверждают правомерность вывода об англо-русских противоречиях в качестве определяющего мотива движения России в Среднюю Азию. Известным подтверждением этого служит и выбор времени для перехода от дипломатической разведки к активным действиям. Правительственная программа по среднеазиатскому вопросу (споры по которой велись ранее) складывается в 1863—1864 годах. Ее появление было ускорено польским восстанием, обострившим положение в Европе и усложнившим русско-английские отношения. Наступление царизма в Средней Азии должно было, по замыслу самодержавия, переключить внимание Англии с европейской политики на азиатскую, не доводя дела до войны. Что же касается экономических проблем, то они сводились к приобретению новых рынков, в которых в пореформенные годы нуждалась не только буржуазия, но и дворянство. В докладных записках царю представители торгово-промышленных кругов просили правительство «создать условия для деятельности купечества, помочь в организации товариществ, учредить в ханствах консульства. Русская администрация в Средней Азии, нормализуя обстановку в присоединенных землях, довольно успешно выполняла эти просьбы. В 50—80-х годах XIX в. расширялась русско-азиатская торговля, началось строительство железных дорог и промышленных предприятий. Тем не менее, как указывал В. И. Ленин, русский капитализм обосновывался на окраинах России первоначально как сила политическая и лишь впоследствии как экономическая. «Экономическое «завоевание» его (Кавказа.— Н. К.) Россией совершилось гораздо позднее, чем политическое, а вполне это экономическое завоевание не закончено и поныне»,— писал он в 1899 году. Раскрывая конкретные проявления данного процесса на Кавказе, В. И. Ленин отмечал: «Нам нет надобности добавлять, что то же самое происходило и происходит и в Средней Азии, и в Сибири, и т. д.»⁶⁴.

Методы, которыми проводилось присоединение Средней Азии к России, были и мирными и военными. Царские сатрапы, мало считаясь с интересами местного населения, вводили в Средней Азии порядки, в которых прежде всего были заинтересованы господствующие классы России. Но при всех бедствиях, которые нес трудящимся Средней Азии царизм, присоединение к России имело прогрессивное значение для ее дальнейшего развития. Оно избавило среднеазиатские государства от превращения в английскую колонию. Еще в процессе присоединения Россия освободила в Средней Азии рабов, запретила работорговлю, поощряла развитие ремесел и торговли. Отсутствие границы, отделявшей метрополию от окраины, способствовало установлению трудовых и идейных контактов народов России с местным населением. В итоге трудящиеся Средней Азии приобрели сильного союзника в лице российского пролетариата и крестьянства и в дальнейшем под руководством рабочего класса постепенно включились в революционное движение, направленное против царизма.

⁶⁴ В. И. Ленин. ПСС. Т. 3, стр. 594, 595.